

Научное приложение. Вып. ССXLV

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
<i>Глава 1. Двадцатые годы: рождение писателя</i>	16
Литературные сражения и «люди-университеты»	16
Варлам Шаламов и «Новый ЛЕФ»	23
Андрей Белый и Алексей Ремизов — предшественники Шаламова	27
<i>Глава 2. Начало оттепели: назад в литературу</i>	30
Советская литература после смерти Сталина: обстоятельства появления «Колымских рассказов»	30
Возвращение в литературный мир	43
Разговор с Борисом Пастернаком о поэзии и прозе	51
Дискуссия о романе «Доктор Живаго»	56
Литература «после позора Колымы»: рождение концепции	63
<i>Глава 3. Поздняя оттепель: несбывшиеся надежды</i>	72
Круг чтения и литературные связи Варлама Шаламова в эпоху поздней оттепели	72
Варлам Шаламов в «Новом мире»: опыт внештатного рецензента	84
Варлам Шаламов и Александр Солженицын: противостояние метода и эстетических позиций	98
«Эмоционально окрашенный документ»: развитие идеи	112
<i>Глава 4. Советский застой: в Союз писателей или на Запад?</i>	127
Литература застоя внутри и вне поля зрения В. Шаламова	127
Разгром «Нового мира»	129
Варлам Шаламов между официальной и подпольной литературой	132
Проблема западных публикаций Варлама Шаламова	136

Варлам Шаламов в контексте лагерной прозы и мемуаристики	141
Направления творческих поисков Варлама Шаламова в 1970-е годы	148
Записи о Есенине	149
Наука и литература	151

Приложение

<i>Рецензия В. Т. Шаламова на повесть А. П. Чигарина «Всюду жизнь»</i>	160
<i>Рецензии В. Шаламова на произведения самодельных авторов, поступивших в редакцию журнала «Новый мир» в 1959–1964 гг.</i>	170
<i>Быт Варлама Шаламова в конце 1950-х — начале 1960-х годов и работа в журнале «Новый мир». Интервью с С. Ю. Неклюдовым</i>	202
<i>Статья Варлама Шаламова «Наука и язык писателя». Черновик</i>	214
<i>Черновик письма Варлама Шаламова Марии Гудзь</i>	218
<i>Список литературы</i>	220
<i>Указатель имен</i>	227

ВВЕДЕНИЕ

В 2022 году исполнилось сто пятнадцать лет со дня рождения Варлама Тихоновича Шаламова и сорок лет со дня его смерти. Это вряд ли будет большим праздником на государственном уровне с торжественными речами, чтениями и обсуждениями. Так складывается посмертная судьба Шаламова — он всегда в стороне, отдельно от потока, на периферии «лагерной» прозы. Его рассказов, и тем более стихов, нет в школьной программе, да и не в каждой вузовской они есть.

Значительная часть произведений Варлама Шаламова (1907–1982), а именно «Колымские рассказы» и большая часть стихотворений, были опубликованы в Советском Союзе только после его смерти¹. Трагизм судьбы писателя, масштаб и исключительность его прозы до сих пор, к сожалению, не получили должного признания у читателей. Можно сказать о том, что интерес к фигуре Варлама Шаламова неизменно высок в профессиональных кругах, о чем свидетельствуют новые издания и переводы его произведений, периодически появляющиеся публикации исследователей, регулярно проходящие в Москве и Вологде Шаламовские чтения, посвященный писателю фестиваль «Четвертая Вологда», экранизации и театральные постановки его произведений.

Однако дискуссии, которые происходят вокруг творчества писателя, в значительной степени вызваны односторонним

¹ При жизни Шаламова до марта 1937 года было опубликовано пять рассказов, большое количество журналистских материалов, а после выхода Шаламова из лагеря — пять поэтических сборников, ряд стихотворений в различных журналах и альманахах, несколько статей и очерков, эссе мемуарного характера.

пониманием его места в литературе — как «летописца Колымы», стоящего в стороне от литературной и культурной жизни эпохи.

С таким пониманием творчества В. Шаламова не согласны ни наследники, ни исследователи архива писателя. Этому есть несколько причин. «Колымская часть» прозаического наследия Шаламова относительно невелика, а за пределами внимания ученых и читателей часто остается значительный объем других тем и смыслов, важных для писателя. В существующих публикациях, как зарубежных, так и российских, не всегда учтены интеллектуальные ориентиры, эстетические, литературоведческие и критические взгляды Варлама Шаламова, а также его активная включенность в литературный процесс своего времени. Нередко отдельным эпизодам биографии и деятельности дана негативная оценка, основанная либо на позднейших записях Шаламова (середина и конец 1970-х), либо на субъективном отношении исследователей к тому или иному сюжету или личности.

Будучи поэтом и прозаиком, Шаламов на протяжении всей жизни выступал как исследователь и историк литературы, наблюдатель и критик, рефлексировавший не только над собственным опытом. Он внимательно следил за литературным процессом, обсуждал проблемы творчества с авторитетными для него современниками, дискутировал с теми, кого считал равными оппонентами и интересными собеседниками.

Эта книга — попытка определить место и значение В. Шаламова в литературном процессе 1950–1970-х годов, свести автора и его время, преодолеть стереотип восприятия Шаламова исключительно как автора мемуаров о репрессиях. Для понимания его прозы и стихов историко-культурный контекст, а также его включенность в литературную жизнь и участие в современных культурных процессах на протяжении «послеколымской» части биографии играют ключевую роль. Немаловажными для исследования представляются круг чтения Шаламова, его воззрения на современную литературу и высказывания о ней — иногда довольно резкие и саркастические, реже доброжелательные и иронические.

Здесь, скорее, важно другое — Шаламов не был исключен из культуры, он много читал и смотрел, активно анализировал, высказывался, писал письма. В работу включен ряд не опубликованных до настоящего времени документов, которые дополняют представление об этом.

Вместе с этими наблюдениями формировалась и укреплялась собственная эстетическая концепция В. Шаламова, выражающая его позицию, принципы и подходы к художественной прозе и поэзии. «Новая проза» кристаллизовалась не только как преодоление лагерного опыта, но и как реакция на современную литературу, которая этот опыт не учла.

В этой работе рассматривается достаточно долгий — около тридцати лет — период эстетической эволюции писателя, условно разделенный на три этапа, определенных историей страны.

Первый из них — это период от возвращения с Колымы в 1953 году до публикации рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» в 1962 году. Первые возвращения из лагерей, XX съезд, первые реабилитации. Для Варлама Шаламова это этап нового вхождения в литературную жизнь Москвы, начала активного записывания всего, что обдумывалось им долгие годы на Колыме, первых зафиксированных теоретических размышлений о литературе, подходов к описанию собственной эстетической позиции. Именно в 1953 году Шаламов обрел возможность относительно свободно читать, общаться со все более широким кругом людей, вступать в литературные дискуссии (хотя и по переписке). Это послужило катализатором его собственного творчества: в это время он очень много пишет.

1962 год стал рубежным в связи с первой публикацией в СССР художественного произведения на тему репрессий. Для Шаламова этот момент был ключевым: появилась надежда на то, что у писателя с «лагерным прошлым» есть шанс на публикацию. Вместе с тем, по мнению Шаламова, публикация А. Солженицына могла стать (и в конечном счете стала) одним из немногих дозволенных публичных заявлений о том, что в СССР существовали репрессии. Этот момент «перепутья» было важно зафиксировать.

Второй этап — 1960-е годы. Период 1962–1968 годов — переходный от оттепели к застою. Для Шаламова это время окончательного формулирования и постепенной радикализации взглядов на творческий метод в литературе «после позора Колымы». Это этап активного сотрудничества в разных качествах с литературными журналами и постепенного разрыва с ними, дружбы и полемики с А. И. Солженицыным, активной переписки с множеством знакомых, друзей и значимых для Шаламова людей.

Представляется важным сделать одну оговорку. В книге намеренно не рассматривается роль А. И. Солженицына и его влияние на писательскую судьбу Шаламова. Мы сознательно отказываемся от принятого в российском шаламоведении обвинения Солженицына, сталкивания двух писателей, их позиций и взглядов, избегая субъективных оценок. Сопоставляя разные документы, письма, дневниковые записи, мы предоставим читателю выводы сделать самостоятельно.

Третий этап — 1970-е годы. Период с 1968 по 1979 год, эпоха застоя, от ввода войск в Чехословакию и полного прекращения «оттепельных» послаблений в культуре и литературе до начала войны в Афганистане. Это совпало и со временем, когда Варлам Шаламов почти полностью утратил способность писать и был помещен в пансионат для престарелых и инвалидов. Этот этап в литературном и культурном процессе связан с расцветом подпольной, параллельной государственному официозу творческой деятельности, которая не могла не касаться В. Шаламова. Для него самого это время постепенного отхода от «колымской» проблематики, работа над мемуарами, биографическими очерками, историческими сочинениями, например об А. К. Воронском и Ф. Раскольникове, время размышлений о науке и экспериментов с жанрами: написание фантастической пьесы «Вечерние беседы».

Целостное восприятие наследия Варлама Шаламова невозможно без рассмотрения трех пограничных зон: художественное — документальное, проза — поэзия, практика — теория. Именно поэтому в книге уделено большое внимание записям дневникового характера 1950–1970-х годов, переписке этого периода, очеркам и отрывкам, посвященным

размышлениям о литературе и выражающим эстетическую позицию писателя (черновики эссе, статьи, опубликованные и подготовленные к публикации), рецензиям на рукописи самодеятельных авторов.

Проблема исследовательской и популярной литературы о Шаламове существует. С одной стороны, проза и поэзия Варлама Шаламова достаточно широко исследованы как в России, так и за рубежом, сборники рассказов активно переводятся на иностранные языки, что дает возможность обратиться к ним не только славистам и не только исследователям проблематики лагеря. С другой, круг исследователей неширок и достаточно замкнут.

В России наиболее известны труды И. П. Сиротинской, биографа и хранителя наследия писателя. И. П. Сиротинская систематизировала архив писателя, подготовила несколько собраний сочинений и отдельных изданий, включающих поэзию и художественную прозу, переписку, записные книжки, воспоминания, материалы следственных дел и документов, касающихся жизни и творчества Шаламова.

Жизни и творчеству Шаламова посвящена книга В. В. Есипова, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» в 2012 году (переиздана в 2019). С 1994 по 2017 год Есипов в качестве редактора-составителя выпустил пять «Шаламовских сборников», включающих материалы конференций, актуальные исследования, архивные находки и неопубликованные тексты В. Шаламова. Текстологии и истории публикаций В. Шаламова посвящены работы филолога, сотрудницы РГАЛИ А. П. Гавриловой и историка С. М. Соловьева, эстетике и поэтике прозы Шаламова — монография Л. Жаравиной.

Необходимо также отметить сборник Пражской шаламовской конференции 2013 года «Закон сопротивления распаду: Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века», который представляет и зарубежные исследования Шаламова, а именно проблему архива, перевода и публикаций Шаламова за рубежом. Среди наиболее известных исследователей — Ф. Тун-Хоэнштайн, доктор философии, литературовед, ответственный редактор немецкоязычного собрания сочинений Шаламова, представляющая

Центр исследований литературы и культуры (Берлин). Среди зарубежных исследований также необходимо отметить труды Ф. Апановича (Польша), Я. Махонина (Чехия), М. Берютти (Франция), Л. Токер (Израиль), П. Синатти (Италия). Работы переводчика А. Гунин (Великобритания) посвящены подходам к переводу «Колымских рассказов». Поэтике Шаламова, его эстетической концепции посвящен ряд исследований филолога, профессора университета Нового Южного Уэльса Е. Михайлик.

Большинство работ о Шаламове исследуют поэтику и эстетику его художественного творчества. Меньше представлены исследования литературной биографии Шаламова, документов, связанных с его литературными связями и эстетическими воззрениями. Наша работа отчасти восполняет этот пробел, восстанавливая круг чтения Шаламова в разные годы, его литературные связи, восприятие современной литературы, контакты с литературными журналами и издательствами. Среди исследований этого направления можно отметить работу Б. Я. Фрезинского, посвященную взаимоотношениям В. Шаламова и И. Эренбурга, статью Я. Клоца «Варлам Шаламов между тамиздатом и Союзом советских писателей», работу М. Берютти «Антитолстовец». Проблеме самиздата посвящена работа Л. Токер «Самиздат и проблема авторского контроля в судьбе Варлама Шаламова».

Изучение и популяризация наследия Варлама Шаламова связаны с проблемой сохранности, доступности и исследованности его архива. Доколымское творчество писателя сохранилось фрагментарно. Из автобиографии «Несколько моих жизней» (1964) следует, что между двумя лагерными сроками в 1932–1937 годах Шаламов занимался литературным творчеством всерьез. Насегда утрачены стихи и проза:

Написал 150 сюжетов рассказов, неиспользованных еще. Написал 200 стихотворений. В трех тетрадах их берег. Увы, жена тогдашняя моя мало понимала в стихах и рассказах и сберегла напечатанное и не сберегла написанное, пока я был на Колыме [Шаламов 2013: IV, 197].

В мемуарном тексте «Большие пожары» (1970-е годы¹) Шаламов также упоминает о неоднократном уничтожении архивов — писем, произведений, сначала его сестрой, позже женой:

В конце концов, родные есть истинный источник всякого сожжения. Жгут же ради детей или руками сестер, матерей. В 1927 году, когда я жил в университете, родная моя сестра сожгла все до последней бумаги, письма — Асеева, Третьякова... Все просто потому, что я некоторое время был там, у нее, прописан.

Отношение моей семьи не отличалось ничем от этой шумной паники. Жена сохранила напечатанное и уничтожила все написанное. Кто уж так рассудил... Сто рассказов исчезли. Дерьмо, которое было сосредоточено в архиве «Октября», сохранилось, а сто неопубликованных рассказов (вроде «Доктора Аустино») исчезли [Шаламов 2013: IV, 557].

Стихи, сочиненные во время первого лагерного срока, на Вишере, сгорели. Уезжая в 1953 году с Колымы на материк, Шаламов взял с собой несколько тетрадей с переписанными набело стихами, остальное сжег в дезкамере. От семнадцати лет лагерной жизни сохранились только немногие записи, несколько фотографий Шаламова-фельдшера в больнице и копии следственных дел.

Что касается колымского периода писателя, то он сам сообщает в воспоминаниях следующее:

На Колыме стихи не уничтожали, не жгли как некие жертвы, а хранили бережно, чтобы исказить, дать ложное толкование и овеществовать самым зловещим образом. В тех миллионах обысков, «сухих бань», по выражению Бутырской тюрьмы, стихов не находили никогда. Да я их и не писал. А если и писал, то уничтожал в каком-то ближайшем просвете разума [Там же: 553].

После возвращения Шаламов старался записать все, что невозможно было зафиксировать, находясь в лагере, поскольку

¹ Более точной датировки документа нет.

это было строго запрещено. От трех последующих лет жизни на так называемом 101-м километре сохранились тонкие тетради и отдельные листы, на которых Шаламов записывал «Колымские рассказы», «Артиста лопаты» и «Очерки преступного мира» (7 единиц хранения) и стихи (18 тетрадей).

Редактор немецкого собрания сочинений Шаламова Франциска Тун-Хоэнштайн отмечает сложности издания его творческого наследия, связанные именно с архивом:

Академическое издание Шаламова пока невозможно. Вчера много говорили о том, в каком состоянии архив сейчас, и я, имея доступ к части архива, понимала, что работать над ним надо здесь, в России. Эта работа должна быть проделана российскими филологами, текстологами, это задача на годы, без такой работы над освоением архивных материалов заявка на академичность невозможна [Калашникова 2019].

В. Шаламов начал передавать свой архив в ЦГАЛИ еще в 1966 году, позже И. П. Сиротинской были переданы и авторские права на произведения. Это было связано, среди прочего, с проблемой хищения рукописей из дома писателя. И. П. Сиротинская в воспоминаниях «Мой друг Варлам Шаламов» описывает эти хищения в последние годы его жизни, когда он уже физически не мог следить за их сохранностью из-за ухудшения здоровья:

В апреле 1979 года он срочно вызвал меня, сказал, что собирается в пансионат, и попросил взять весь архив, который оставался. «Воруют», — сказал он. Я взяла все. <...> Я обратилась 17 мая 1979 года к тем, кто изъял часть архива В. Т., и они после переговоров 8 октября 1979 года вернули рукописи четырех сборников «Колымских рассказов» (все это было документировано). Лишь много позднее, когда я закончила разборку и описание большого архива В. Т., я поняла, что возвращено не все. Но В. Т. уже не было в живых. Похищены были и мои письма к В. Т., к счастью, только письма 70-х годов. Конечно, похищена незначительная по сравнению с основным фондом часть архива, в основном машинописные экземпляры рукописей. Однако возможно, что исчезли

и варианты с какими-то разночтениями, которые необходимо изучать в процессе текстологической работы. Пропали также и некоторые толстые тетради со стихами, где заключались первоначальные варианты стихов. Запись стихотворения в такую тетрадь Варлам Тихонович считал истинной датой стихотворения. Утрату этих тетрадей Варлам Тихонович считал невозможной. И я, конечно, виновата в том, что не обнаружила ее сразу же, не разобрала архив сразу [Сиротинская 1998: 73].

Документы Шаламова, а также документы, связанные с Шаламовым, находятся не только в его архиве, что довольно часто исследователи упускают из виду. Так, вся работа Шаламова в журнале «Новый мир», а именно рецензии на рукописи самодеятельных авторов, а также рукописи самого Шаламова, не принятые редакцией, находятся в фонде «Нового мира». Несколько важных писем, процитированных в данной работе, найдены в архиве О. С. Неклюдовой. Рецензии на «Колымские рассказы», представляющие большой интерес, находятся в фонде издательства «Советский писатель». Работа Шаламова в журнале «Москва» отражена в соответствующем фонде. Часть документов (рукописи) есть в архиве журнала «Знамя». Переписка Шаламова хранится также в фондах Б. Пастернака, А. Солженицына, И. Эренбурга, К. Симонова, Л. Копелева. Дело Шаламова в архиве Союза писателей СССР закрыто для доступа.

В «деле Шаламова» вопросов и белых пятен пока больше, чем ответов. Периодически находятся разрозненные фрагменты его рукописей, появляются новые подробности западных публикаций, свидетельства жизни и судьбы писателя. Все это требует серьезного разговора чуть более широкого круга участников, чем сейчас. Надеемся, что такой разговор начнется.